ФАНТАСТИКА 2005

Владимир Васильев

Леонид Каганов

Сергей Лукьяненко

Евгений Малинин

Владимир Михайлов

Алексей Пехов

и другие...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Интернет стал беспроводным, превратившись в независимую Вселенную. Два хакера, Даун и Кунджи, обнаружили возможность обрести виртуальное бессмертие, сохранив свои личности на сайте некой мегакорпорации.

Для взлома сайта нужны не только коды доступа, но и хитроумное решение загадки-ключа: от прохождения игры-шутера до сборки кубика Рубика на время…

© Ny

- Андрей Павлухин
  - ○

Андрей Павлухин
Сальто над алюминиевым лесом

Пляж опустел.

Уже неделю штормило, затянутое серостью небо обрушивалось ливнем. Ветер сбивал с ног, скрипел дверцами кабинок и уныло завывал в ущельях улиц. Курортный сезон закончился. Море словно сорвалось с цепи: пенистые валы захлестывали песчаный берег, разбивались о камни мыса, где возвышался палец маяка, наваливались на треугольники волнорезов у входа в бухту, накатывали на причал… Отчаянно скрипели мачты белоснежных яхт, и бешено вращался флюгер на крыше здания морвокзала.

Осень…

Я шел, закутавшись в старое пальто, от самого парка отдыха с его «чертовым колесом» и «американскими горками», по набережной, мимо зоологического павильона и музея, через мост и по тропинке — на лодочную станцию, туда, где вырисовывались полусгнившая каравелла, завалившаяся набок, и вытащенные на берег катамараны.

Калитка и сетчатое ограждение.

Я знаю каждый свой шаг. Сейчас Школьник отвяжет зеленый облупленный катамаран и выплывет на середину озера, перевернется и начнет тонуть. Я сразу направляюсь к гаражу, набираю код на двери. Вхожу, включаю свет, сажусь на воздушный спасательный скутер, завожу его и срываюсь с места. Успеваю как раз вовремя — парнишка только-только перевернулся. Подвожу скутер, зависаю, давая ему возможность вскарабкаться на заднее сиденье. Мокрый и озябший, Школьник протягивает мне жетон. На пластиковом кружочке всего одно слово: «Санаторий». Я прячу жетон в карман теплой куртки и возвращаюсь в гараж.

Мы идем на станцию, я выдаю Школьнику сухую одежду и разогреваю чай — все это фиксируется, родители парня оплатят наши услуги. Вчера мне его спасти не удалось…

Я познакомился с Муратом год назад. В Сети его звали Кунджи — это реальный ник, как объяснил Мурат, виртуальное имя хакера, жившего в двадцатом веке. Мы уже несколько месяцев знали друг друга по чату — в онлайновом режиме — и теперь решили встретиться. В баре «Процессор» на Четвертом Орбитальном Комплексе, где жил Мурат, обычно собирались

неудачники-ламеры, клановые геймеры, киберничные — все, кто так или иначе связаны с Сетью. Таких заведений сейчас много, и вы, конечно, знаете, что там может появиться кто угодно — от мелких торговцев софтом, имплантами и «железом» до солидных, респектабельных агентов корпораций, которые рыщут по «дну» в поисках свежих кадров… Особенно активны лунные и марсианские вербовщики. Для нас же все началось с астероидов и филиала «Реинкорн».

С Кунджи мы были партнерами. Он поставлял мне коды и важную своевременную информацию — я использовал это для своих атак. Софт я разрабатываю сам или покупаю на черном рынке. С точки зрения закона я — бомж. У меня нет прописки, гражданства. Хотя, чтобы беспроблемно перемещаться в нашем мире, приходится использовать чужие личины…

Раньше, несколько веков назад, глобальные сети были исключительно кабельными. Так говорят. Колоссальные гигабайтовые массивы данных перемещались по телефонным линиям. Кабельная связь существует и поныне — на примитивном локальном уровне. Но Сеть… Она давно перешагнула границы Земли и уже полвека живет в сотовой ипостаси.

Многополосное образование, оплетающее Солнечную систему. Так уж случилось, что к Четвертому Орбитальному пристроились Центр коммутации и базовая передающая станция, превратив ничем не примечательный жилой комплекс в инфоузел космического масштаба. И как следствие попасть сюда дано не каждому. Миграция на Четвертый жестко контролируется: биометрическая идентификация, тестирование и сканирование, агенты Интерпола… Разные примочки.

На космодроме Улан-Батора мне просветили сетчатку глаза (заново перестроенную хирургами Цейлона неделей раньше), а безучастный голос у турникета предложил показать ладони. Я подчинился, протянул руки вперед — так, чтобы сканер разглядел татуировки-идентификаторы. Сложные геометрические узоры отразились, многократно увеличенные, на плазменном дисплее у самого потолка. Три секунды — сличение. Результат удовлетворительный. Энергетический барьер снят. В толпе отбывающих я шагаю к стартовым докам. У главного люка исполинского лайнера меня ждет еще одна проверка — рентгеновское просвечивание на предмет запрещенных имплантов. Правда, лучи не в силах пробить мою биотическую защиту… На титановой поверхности загорается надпись: «Вставьте билет». Пластиковый прямоугольник синего цвета пожирается приемной щелью. Такую же процедуру проходят остальные пассажиры… Двадцать четыре минуты — корабль

отрывается от Земли, разгоняясь до первой космической. Я лежу, удобно устроившись в антиперегрузочном кресле, слушаю рекламный ролик «Транс Юниверс» — компании, которой я доверил свое бренное тело.

Комплекс — сооружение из кубических блоков-сегментов, вписанных в каркасную решетку, местами еще не заполненную. Стенки внешних сегментов закруглялись, плавно следуя изгибам решетки, которая образовывала кольцо. В середине кольца помещался шар-космодром с множеством стыковочных портов, соединенный с Комплексом прозрачными полимерными трубами коридоров. Отдельно парила пирамидка Центра коммутации, от которой к энергоблоку тянулись силовые кабели — мощные толстые кишки, тускло поблескивающие в свете земного диска… Вся конструкция вращалась, создавая гравитацию.

Космодром облеплен гигантами-лайнерами, ремонтными катерами, слетевшимися как мухи на мед. Наш корабль пристыковался к свободному порту. Я отстегнулся от кресла и поплыл, цепляясь за скобы, к шлюзу. Миновав люк и узкий переходник, попал в камеру досмотра. Кроме меня, на Комплекс никто не стремился: створки шлюза за моей спиной захлопнулись с характерным шипением, а корабль, быстро скоординировавшись, лег на новый курс — к Меркурию.

Едва таможенный компьютер зафиксировал мой приход, как тотчас в воздухе собрался голографический диалоговый монитор. Побежали строчки на эсперанто, сопровождаемые голосовыми пояснениями:

— ВЫ СТОИТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕТВЕРТОГО ОРБИТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА, ИМЕЮЩЕГО СТАТУС СУВЕРЕННОГО АГЛОМЕРАТА. ЦЕЛЬ ВАШЕГО ВИЗИТА?

— Я хочу получить временный вид на жительство.

— ВЫ СОСТОИТЕ В КАКОЙ-ЛИБО ХАКЕРСКОЙ ГРУППЕ?

— Разумеется, нет.

— ВАША СПЕЦИАЛЬНОСТЬ?

— Инженер по телекоммуникациям второй категории.

— РОДНОЙ ЯЗЫК?

— Белорусский.

— КАКОГО ЦВЕТА НЕБО? А — ГОЛУБОГО. Б — КРАСНОГО. В — ЖЕЛТОГО. Г— НЕ ЗНАЮ.

— Чье небо? — переспросил я.

— ВОПРОС НЕ ПОНЯТ. ОТВЕЧАЙТЕ КОНКРЕТНО.

— Голубого.

— ПРАВИЛЬНО. У ВАС ИМЕЕТСЯ СТАНДАРТ-СЛОТ?

— Да.

— ВЫ ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ СВОД ЗАКОНОВ НАШЕГО

ХАБИТАТА?

— Да.

К разъему в моей голове подсоединили биосетевой кабель и скачали мне в мозги три мегабайта юридического хлама. Позже, бегло «просматривая» все это, я отметил, что значительная часть статей посвящена «компьютерным преступлениям». Особенно строго каралось «несанкционированное проникновение» в Центр коммутации. За «акт космического терроризма» и вывод из строя системы жизнеобеспечения Комплекса — смертная казнь. Вот это уже серьезно…

В «Процессоре» было шумно. Я уселся за свободный столик, заранее указанный Кунджи, и стал ждать. В баре галдела пестрая, частично обкумаренная толпа. За стойкой орудовал угрюмый, высокий и худой парень с ромбовидной золотой серьгой в правом ухе. Голубой… У стен портал-кабины, похожие на телефонные будки, — для входа в Сеть. Между посетителями сновали обнаженные тела официанток, татуированные дисками и платами. Очень стильно — каждая девушка как деталь компьютера.

Ко мне подсел бритоголовый мужик, одетый во все черное — от кожаных брюк до смокинга с серебристыми разводами.

— Привет, Даун.

Я почти не удивился. Многие знали мой ник. Другое дело — моя внешность. Агент Интерпола?

— Вы сели не за тот столик.

Передо мной — кто угодно, только не Кунджи. При встрече партнер должен был сказать фразу-пароль: «Дивно колосятся арбузы на елках».

— Дивно колосятся арбузы на елках, — сказал бритоголовый. Телепат? Не вопрос — врубается экранирующий чип.

— У меня встреча, — говорю я.

— Конечно. Со мной.

— Ты не Кунджи.

— Нет. Я — официальный представитель «Реинкорн Корпорэйшн».

Я наконец-то «догнал»:

— Вербовщик?

— Точно.

— Меня не интересуют…

— Зря, — бритоголовый гнул свою линию. — Вот послушайте.

И он расписал, как ему нужны парни вроде меня, как ценит их труд «Реинкорн Корпорэйшн», а главное — возможность по прошествии пяти лет получить шанс на перерождение.

Я больше не слушал. Я знал, что соглашусь. Не из-за перерождения — это лажа чистейшей воды: твое сознание запишут на ментальный носитель и поместят в виртуальный банк данных. И ты будешь годами ждать своей очереди. А чтобы клонировать собственное тело… Мне всю жизнь пахать на корпоративной ниве. Хранение клетки — почасовая оплата. Сам процесс клонирования и обратное переселение — астрономические цифры. На черном рынке, в подпольных клиниках это сделают быстрее и дешевле. Правда, никакой гарантии, что качественнее. Любой «хранитель душ» предупредит вас: пятьдесят на пятьдесят. Это все — эрзац, подделка… Но есть легенда, в которую свято верят все хакеры. Она гласит: в Сети есть сайт, если попасть в него — обретешь подлинное бессмертие. Сайт принадлежит «Реинкорн Корпорэйшн» и надежно защищен. Добраться до него и взломать еще никому не удавалось.

Я хотел это сделать.

Я знал, что смогу.

— Хорошо, — сдался я. — Ты меня уговорил.

— Великолепно! — просиял агент. — Вы не пожалеете; филиал, в котором вы будете работать, находится на Весте. Лайнер отбывает завтра в девять тридцать утра. Вот билет. Бедж. Идентификационная карта. До свидания.

Вербовщик затерялся в глубинах зала. На его месте возник Кунджи:

— Дивно колосятся арбузы на елках.

Я узнаю тебя по тайному знаку, я узнаю тебя по перстню на пальце. Кунджи — чернявый парнишка лет семнадцати, в хламиде, усеянной голограммами от «Версаче», — лукаво подмигнул:

— Можно поздравить, Даун?

— Да. Завтра я сваливаю.

— Молодец. Покажи мне свой и-карт.

Я протянул белый прямоугольник с магнитной полосой по краю. Кунджи повертел его в пальцах, затем извлек из складок хламиды маленькую коробочку, похожую на сканер. Карт-программатор. Мои брови стремительно поползли вверх.

— Откуда?

— Тебя не касается.

Он провел «коробочкой» над моим и-картом.

— Готово. У тебя — высшая степень допуска. Я восхищенно смотрю на партнера.

— Пустяки. — Программатор исчез за цветными картинками. Но было видно, что Кунджи доволен собой.

Возле нас появилась официантка.

— Две текилы, — сказал я. Девушка скрылась из виду.

— Ты всегда пьешь текилу? — спросил Кунджи.

— Нет. Это новая мода среди земных хакеров.

— Понятно. — Он сказал это так, словно ему понятно все во Вселенной. Этакий бодхисатва, добровольно отказавшийся от Нирваны ради нас, грешных смертников.

— Завтра улетаю, — сказал я.

— Замечательно. Официантка принесла заказ.

— Еще, — попросил я. — И чего-нибудь поесть. Она удалилась.

— Слышал про сайт Бессмертия? — Кунджи пристально глядит на меня.

— Глупый вопрос.

— Я откопал его адрес. Я чуть не подскочил.

— Что?!

— Не кричи. Без тебя от адреса пользы — ноль целых ноль десятых. Сайт находится в локальной сети «Реинкорн». А попасть туда практически невозможно. Другое дело — изнутри.

— Ты предлагаешь, чтобы я проник в Бессмертие на Весте?

Кунджи усмехнулся:

— Самоубийство. Тебя сразу обнаружат. Чистильщики займутся твоим сетевым аватаром, а Служба Безопасности — телом. Есть другой путь.

Вот тогда, год назад, мы и разработали наш план. Он был прост.

Я проникаю в «реинкорновскую» локалку по и-карту с поддельной степенью допуска и скачиваю все пароли на десять лет вперед. Не входя в Бессмертие и не вызывая подозрений. Потом увольняюсь и первым же рейсом — обратно на

Четвертый Орбитальный, где меня ждет верный Кунджи. Я со своим «троянцем» взламываю локальное пространство корпорации… А дальше — все идет по накатанной колее. Очень эффектно. Так мы думали.

Санаторий выглядит мрачно и запущенно. Ветер прохаживается по его лоджиям и вовсю разгоняется на крыше, где раньше был уютный ресторанчик под открытым небом. Там подавали хачапури и шашлыки с зеленью, помидорами, луком и острым соусом. Шашлыки жарились прямо у вас на глазах. Передо мной из ниоткуда возник телефон-автомат. Я приблизился к нему, снял трубку и бросил в щель жетон с надписью «Санаторий». Набрал номер, который знал еще вчера.

Длинные гудки сменились щелчком.

— Я иду, — сказал я и повесил трубку. Поднимаюсь по

ступенькам, открываю дверь из толстого стекла. Я — в вестибюле. Здесь пусто. Я могу воспользоваться лифтом, но вместо кабины скорее всего окажется выход на другой подуровень. Поэтому я направляюсь к лестнице. На втором этаже пусто. Такое ощущение, что неизвестный вирус выкосил всех людей, оставив лишь номера, коридоры, балконы да еще шум ветра и прибоя снаружи.

Двери номеров были открыты, везде — образцовый порядок и чистота. Я устало брожу по гулким пространствам. Мне надоел этот мир. Уже шестой день я скитаюсь по курортному городку, прерываясь лишь на то, чтобы поесть и сходить в туалет. И снова — бегом к компьютеру. Нельзя надолго оставлять своего сохраненного аватара без присмотра…

Третий этаж — ничего.

Я поднимаюсь дальше. В 416-м номере — два человека. Один развалился в кресле у распахнутой двери на лоджию. Ветер гуляет по комнате и рвет тюлевые шторы. Второй молча застыл у зеркала, в котором ничего не отражалось.

— Покажи, — сказал тот, что был в кресле.

Я достаю из карманов предметы: зеленый камешек с черными крапинками, спичечный коробок, фишку из казино и железнодорожный билет. Все это богатство лежит на моей открытой ладони.

— Бросай в зеркало. По очереди.

Я послушно выполнил команду. Предметы утонули в гладкой поверхности.

— Теперь иди в 308-ю комнату. Быстро. Я направился к двери.

— Не туда. — Человек в кресле указывал на распахнутую балконную дверь.

Я вышел на лоджию, миновал несколько номеров, свернул… И столкнулся с чистильщиком.

Не знаю, как меня вычислили.

Факт, что на Кунджи и Дауна спустили киллера (их называют благородно — ликвидаторы), а по Сети теперь шныряли орды «реинкорновских» чистильщиков. Об этом мы узнали позже, но решили играть до конца. У нас не было выбора: столь могучая корпорация, как «Реинкорн», вовсю пользующаяся технологиями пришельцев, в Совете Директоров которой состоят «гости» с Денеба и Антареса, рано или поздно нас выщемит. Единственный шанс — доиграть, получить то, что мы хотим, и заставить их успокоиться, пригрозив обнародовать секрет бессмертия.

Не думаю, что они сменят пароли, — для этого придется выполнить титаническую работу, и нет никакой гарантии, что мы

нападем сейчас, а не через неделю. Я же скачал все на десять лет вперед. Слишком большой массив информации. Даже если что-то изменится, обычный «подборщик» сделает свое дело. Классический парадокс с обезьянами и пишущими машинками. Теория вероятности, дети мои…

Я помню весь путь до Весты. Корабль разогнался на лазерных лучах, а потом заработали ионно-кольцевые двигатели. Экипаж состоял из мутантов, выведенных специально для пилотирования. Рабы корпорации, живая собственность… Я быстро обнаружил, что с лайнера можно проникать в Сеть — на его борту имелась мощная передающая подстанция. Все складывалось просто замечательно. Мне даже не пришлось вылезать из своей каюты — в переборку был вмонтирован порт-терминал. Я вставил и-карт в прорезь, активизировав его. В воздухе развернулся голографический экран, справа от терминала открылась ниша, в которой я нашел виртуальный костюм, сенсорную клавиатуру и стандартный биосетевой кабель. Последний идеально подходил к моему затылочному разъему. Надев костюм и привычно протестировав его, я подключился через кабель к терминалу. Мой допуск распахивал передо мной все двери. Я скачал в свою дополнительную память необходимые коды и пароли, затем вынырнул обратно, в привычную реальность. Операция заняла около получаса, даже смешно стало…

Напрасно. Теперь мне не до смеха. У меня есть одна версия: мое проникновение в «реинкорновскую» локалку было зафиксировано бортовым компьютером. Кое-где кое-кто проверил мой допуск и обнаружил лажу. Надо думать, прежде чем воевать с мельницами…

Я знал, что перед Вестой запланировано еще две остановки. Каньон-Сити (Марс) и Богом забытая пересадочная станция 32101-8. Я не стал обращаться к вербовщику и юридически оформлять свое увольнение. Я вновь погрузился в Сеть и стер все упоминания о себе. Чистка — сложная и кропотливая работа — заняла сутки. Закончив, я хорошенько выспался, поел.

После посадки на космодроме Каньона я незаметно затерялся в дебрях Мегаполиса. Четко? Хренушки. Я забыл про бортовой компьютер лайнера.

Но тогда я был счастлив. Еще бы — натянуть «Реинкорн»! Крутая фишка. Я почти легендарен. Аллилуйя.

На Марсе я задержался семь часов. Ближайший лайнер с Юпитера доставил меня обратно к Четвертому Орбитальному. Там уже пошустрил Кунджи — я обрел новое имя и новое прошлое.

«Поднялся» до полноправного гражданина Комплекса —

ремонтника Тойо Шикомото. Почтовой ракетой Кунджи переслал мне свеженький и-карт и распечатку официальных сведений о Шикомото. Я выучил их наизусть.

Таможню прошел без труда.

В «Процессоре» замочили удачное начало.

Я помню первый прокол. Или не первый — как посмотреть.

…Группа захвата обрушила на корпус санатория огненный шквал. Федералы больше не играли по правилам. Их действия вознеслись над законом. Я вжимался в паркет вестибюля, прячась от стеклянно-свинцового дождя. Осколки усеяли пол мелкой крошкой. Пытаются оглушить, взять на понт. Последнее предупреждение — и ринутся на штурм. Обстрел вели из леса, красивого вечнозеленого бора. Все сливается в надвинувшихся сумерках, и кажется, что само пространство злобно плюется смертью…

Пригибаясь и хрустя стеклом, я добрался до лифта.

Четвертый этаж. Через чердак — на плоскую крышу, частично залитую смолой, с выпуклостями вытяжных труб и холмиками битого кирпича. А с мрачнеющего вечернего неба уже низвергается грохотом лопастей и мегафонным ревом легкий полицейский вертолет. На меня пахнуло запахом близкой грозы и сосен, пиджак вздулся парусом, отчаянно захлопали брюки. Краем глаза я уловил движение: от стены леса отделились крошечные фигурки, заспешили к корпусу. Я нырнул обратно в чердачный люк, едва не поймав пулеметную очередь. Мои соседи, персонал — все куда-то исчезли. Я один метался в пустом склепе, отыскивая лазейку. Похоже — безрезультатно.

Спускаюсь на второй этаж. Отсюда можно спрыгнуть, но здание уже взято в кольцо. Атакующие пересекали местность спокойной, размеренной рысцой — они знали, что оружия у меня нет. В вестибюль хлынули пятнистые фигуры, ощерившиеся стволами. Хлынули и рассыпались. Их действия были четкими, слаженными. Мне эта сцена до боли стала напоминать DOOM — коридоры и куча чудовищ. Одного я вырубил, неожиданно напав из-за угла, апперкотом и подсечкой. Федерал рухнул на паркет, глухо стукнувшись бронежилетом. Я добил его ударом локтя в солнечное сплетение. Затем переоделся в его форму. Проверил обойму — полная. Предохранитель снят. Тело — в пустующий номер, к балкону. Штурмовик, похожий на паука, спустился с крыши, скользя по тросу. Точка лазерного прицела пошарила по комнате и уткнулась в мой лоб. Я коротко кивнул, пряча лицо в тени. Отцепившись от троса, федерал занял позицию на балконе. Все отдушины перекрывались.

Я перемешаюсь в номер на другой стороне коридора. Здесь проще. Прыгаю с балкона на мягкий желтый песок, усеянный шишками и иголками. Прокатившись, встаю на ноги, подбираю автомат и бегу к лесу, вложив в бросок последние силы.

Пулю я не схватил. Федералы роем залетели в корпус и теперь перетряхивали его от фундамента до крыши. Я знал, что времени в обрез. Преследователи обнаружат мое исчезновение и двинут в погоню на «вертушках». Я мчался по лесу, как загнанный зверь, ломая ветки и огибая стволы. Ориентироваться становилось все труднее: сумерки сгущались, перетекая в ночь.

За минувшие три недели местность я изучил досконально. Сейчас выйду на берег реки, вниз по течению — мост. Потом несложно выбраться на шоссе.

На мосту меня ждали. Засада притаилась за распоркой. Почувствовав дуло между лопаток, я замер.

— Брось автомат! Исполняю.

— Пять шагов вперед! Пауза.

— Обернись!

Федерал с нашивками лейтенанта держал меня на прицеле. Я вспомнил этого человека: еще недавно, в Москве, он одевался в штатское и, неслышно ступая, путешествовал по нашему банку. Чистильщик. Выслеживал меня, гад. Никогда не знаешь, когда такие «аудиторы» приближаются, — очнешься, когда уже удавка на шее. И дерутся они будь здоров.

— Гони ключ, — сказал чистильщик.

— Какой ключ?

Удар по почкам. Меня согнуло пополам.

— Не прикидывайся клином. Что это?

Он заметил на моем запястье часы. Хорошие часики — «Ориент» за тридцать баксов. Сейчас, в опустевшей тьме, светились покрытые фосфором стрелки и цифры.

— Снимай!

Я послушно расстегнул браслет. Но отдать не успел: стрелки вдруг бешено закружились, весь циферблат оказался втянутым в сумасшедшую пляску, и я понял, что проваливаюсь в этот мерцающий омут, переходящий в извилистый тоннель. Мое сознание несется вдаль, ускоряясь…

Кунджи успел меня выдернуть.

Но я потерял своего аватара. С тоской я смотрел тогда на монитор компьютера, где чистильщик расстреливал из автомата мое тело. Помню, заново проходил три уровня — недельная работа насмарку. С тех пор я стал осторожнее.

Я теперь боюсь «аудиторов».

Мы поселились на самой окраине Комплекса. Здесь царили вольные нравы и почти земная гравитация. Плюс опасность метеоритного пробоя (ничтожная, но реальная). Плюс налог на экранирующее антирадиационное поле (в случае неуплаты отдельные участки защиты отключаются — мутируй на здоровье). Плюс налог на светофильтры. Плюс наркоторговля, разборки между бандами, высокий процент смертности и вид звездного неба из окна. Вследствие постоянного вращения мы наблюдали то краешек Земли, то щербатую Луну, то размазанное пятно Солнца, затемненного фильтрующим покрытием. Наш иллюминатор во всю стену был одновременно информационным монитором. В режиме просмотра на него транслировались все 818 доступных телеканалов — легальных и подпольных. При желании я мог активизировать «голограэфикс-трансляйшн» СИМОТИ, но я не фанат бесконечных сериалов и хит-парадов. Правда, иногда прикалывают интерактивные шоу — я как-то выиграл в «Исполнителе желаний» путевку в межпланетный круиз, которую немедленно загнал через Сеть одному романтическому придурку с ником Рафаэль…

Наш район хорошей репутацией не отличался. Здесь обитали преступные элементы всех мастей, хакеры и мутанты (в народе — «муты»), ремонтники, обходчики, менялы и барыги, монахи-кришнаиты и проститутки. Еще, говорят, можно встретить последователей учения Рерихов. Те, кто побогаче, предпочитали квартиры поближе к центру, в зоне умеренной гравитации — около трети одного *g*.

Мои глаза стали узкими, волосы — жесткими и черными. По «утрам» я напяливал серую хламиду ремонтника, брал чемоданчик с инструментами и отправлялся на работу — шляться по служебным тоннелям внешнего периметра, ожидая сигнала вызова. Бывало, ком-браслет на запястье истошно верещал, и я мчался в сектор, указанный на табло, — латать очередной клапан воздуховода или устранять утечку в охладительной системе. Работенка крайне нудная. Я коротал время, играя в «тетрис». Теперь в эти штуки вмонтированы сетевые порты и радиомодемы, фанаты устраивают турниры, учреждают призовые фонды…

Кстати, в нашем районе живет местная знаменитость — хакер, который с помощью «тетриса» взломал базу данных Космического Департамента, легенда и пример для подражания. Я, видимо, не скоро достигну такого мастерства.

На обратном пути я частенько захаживал к соседу из блока напротив. Игорь Кирченко, эмигрант из России, — тоже своеобразный талант. Кирченко умел собирать кубик Рубика. За рюмкой грузинского коньяка он рассказывал мне о своем

прошлом. Бывший солист группы «Тандерфак», бывший инженер (на деревянной подставочке гордо красуется чудо-отвертка, занявшая второе место на Международном конкурсе отверток в Бангладеш), актер и руководитель общества «GREENPEACE», а также КМС по настольному теннису в условиях пониженной гравитации… Короче, личность многогранная. На моих глазах он с потрясающей скоростью складывал из разноцветной мозаики квадратиков фигуру, каждая плоскость которой имела свою окраску. Все манипуляции он производил меньше чем за минуту. Его личный рекорд — сорок секунд. По сути, творение Рубика — трансформер, предназначенный для ломки мозгов. Я как-то сказал об этом Кирченко — он рассмеялся…

Ну что, дружок, ты хочешь знать, кто такой чистильщик? Обычный наемник, работающий по заказу. Заказ прост — ликвидировать энного аватара, а если повезет — выжечь за компанию мозги его хозяина.

Чистильщик с виртуальностью на «ты», для него «сон разума» — естественная среда обитания. Некоторые даже не имеют тел, давно перекочевав в Сеть и органично вписавшись в ее матрицу. Для таких охота на очередную жертву — развлечение, способ скрасить бесконечное существование…

Меня спас прыжок в сторону.

Вообще-то чистильщики двигаются быстро. Сверхбыстро. Но этот был не готов к Моему появлению и стоял ко мне спиной.

Он вычислил меня по отражению в полированной дверце шкафа и, смазавшись, развернулся, расстреливая то место, где я только что стоял.

В следующее мгновение Кунджи инсталлировал в меня ускоряющий софт. И я почти физически ощутил, как перестраивается структура виртуального альтер-эго.

И я стал равен чистильщику. Во всем.

Кроме одного. У меня не было оружия.

«Нет проблем», — прозвучало в мозгу. Кунджй внес незначительное изменение в матрицу — в моей руке оформился ствол. Солидная крупнокалиберная игрушка. Браво, партнер!

«Сделай его!»

Я побежал по стене. Словно делал это всю жизнь. Очередь из пушки чистильщика прошила кирпич и деревянные панели подо мной. Полетели щепки… Вытянув руку, я открыл ответный огонь. Повезло. Пули скосили его, лупанув по ногам. Я оттолкнулся от стены и мягко приземлился рядом.

— Добей! — шепнул Кунджи.

Пинком я отшвырнул оружие чистильщика в дальний угол комнаты. И вышел в коридор. «Дурак…»

В 308-м номере через холодильник я перебрался на следующий уровень.

— Ты видел?!

Кунджи крутнулся на своем кресле, отрывая взгляд от контрольного монитора — там окаменел в паузе мой аватар. Я завел руку за голову и выдернул из разъема в основании черепа биосетевой кабель (биос). Затем, расстегнув «молнию», высвободился из объятий виртуального костюма. Тело слегка покалывало.

— Он тебя найдет.

Оптимизм Кунджи потрясал. Мой партнер любит называть себя «реалистом в инфернальной форме». — Пусть попробует.

— Попробует, — заверил Кунджи. Вновь повернувшись к монитору, он словно утратил ко мне всякий интерес. В правом нижнем углу экрана вынырнуло окошко с перечнем каких-то названий. Часть из них была погашена, буквы потускнели и расплылись, — пройденные мной уровни.

— Тебе осталось немного, — бросил Кунджи через плечо.

— Сколько на это уйдет времени?

— Не знаю. От пары суток до трех-четырех недель. От тебя зависит. — Он пробежался пальцами по сенсорной клавиатуре. Окно развернулось в голограмму посреди комнаты. — Чистильщики перекапывают Сеть в поисках тебя. Это носит уже тотальный характер, дружище. Но их работа осложняется тем, что по мере продвижения в глубь «реинкорновской» локалки миры-оболочки становятся все совершеннее…

Отделавшись от костюма, я иду в туалет. Оборудование, заменяющее основные жизненные процессы, влетает в нехилые бабки, поэтому я вынужден иногда… для удовлетворения простейших потребностей, как сказал бы Кунджи. На работе я выбил отпуск, так что теперь почти не отвлекался от штурма.

Унитаз за моей спиной резко загудел, раскладывая содержимое на атомы. Автоматическая дверь отрезала этот звук.

В голоокне мелькали ряды цифр — Кунджи загружал очередной хитрый софтик, вплетая его в ткань Сети. Я направился на кухню.

Кунджй пил сок манго и играл в «тетрис».

— У тебя одни развлечения на уме, — буркнул я.

Вряд ли справедливое замечание. Именно благодаря «примочкам» партнера мне до сих пор не спалили мозги. Но я любил поспорить. Он — тоже.

— Развлечения — двигатель прогресса, — заметил Кунджи.

— Да ну?

— Без дураков. Что кричал плебс в Древнем Риме? «Хлеба и зрелищ!» Это — главные жизненные ценности, ориентиры. Кто вращает колесо цивилизации? Телекоммуникационные компании, вот кто.

Я слушал его, как студент лектора, при этом не забыв сунуть в микроволновку консервированный картофель с мясом и яичницу с помидорами. Хлеб отправился сначала в автонарезчик, а затем — в тостер. Кофе разогрелся сам по себе, когда я коснулся термически чувствительной упаковки.

— …Углубимся в историю, — продолжал Кунджи. — Почему человек спустился с деревьев?

— Обезьяна, — поправил я.

— Хорошо, обезьяна. Почему она спустилась? Я пожал плечами.

Кунджи ответил сам:

— Ей стало скучно. Любопытно, стремление к новым развлечениям — вот краеугольный камень человеческой психики.

Микроволновка подала сигнал о готовности пищи и отключилась. Я достал консервы, вскрыл их и принялся за еду.

— В итоге все важнейшие открытия используются королями масс-медиа. Волны?.. Радио, телевидение, Сеть, наконец, в теперешнем ее виде. Книгопечатание?.. Попсовые книжонки про любовь на лотках. Компьютер?.. Орды геймеров рубятся в DOOMы и стратегии по всему миру.

— Это — прошлое, — заметил я, поглощая картошку. — То, что ты перечислил, перекочевало в виртуал.

— Согласен. Но суть-то одна.

Он допил сок и поставил опустевший стакан в посудомойку.

— Скажи, Даун, зачем тебе бессмертие? Я чуть не подавился:

— Глупый вопрос…

— И все же?

Я задумался. Долго молчал, прежде чем сказать:

— Чтобы не умереть, Кунджи. Я не верю в рай и Нирвану. Там, за барьером, ничего нет. Пустота. Все оборвется. Краски, звуки, запахи, боль и наслаждение — это будет потеряно. Я хочу жить дальше, вот и все.

Тостер выбросил поджаренные ломтики, щелкнул и затих.

— А дальше? — Кунджи, оторвавшись от «тетриса», сверлил меня взглядом.

— Что — дальше?

— Допустим, ты бессмертен. В твоем распоряжении — века… Ты встречаешь свой очередной миллениум. Какая у тебя проблема?

Нас прервал компьютер, высветив на дверном табло:

ЗАГРУЗКА ОКОНЧЕНА.

Кунджи вихрем вылетел в комнату — проверять результаты. Я в одиночестве допил кофе и выбросил смятую упаковку в мусорный бак-аннигилятор. Любые отходы в мире Комплекса перерабатывались в тепловую энергию — вечный круговорот.

— Даун!

— Иду!

Он сидел за контрольным монитором — собранный, напряженный. Я понял — отдых закончился.

— Моя программа называется «Лоцман», — сказал Кунджи. — Она изучила следующий уровень, внедрилась в него и выработала систему подсказок. Обращай внимание на мелочи.

— Принять душ я не успею?

— Нет. Надевай костюм.

Я стою на кладбище.

Ночь. Надгробные плиты, кресты, чугунные ограды освещены бледными лунными лучами. Фильм «ужасов» какой-то. Я усмехнулся: у «реинкорновских» разработчиков, оказывается, больная фантазия. Что бы сказал Фрейд, интересно?

Везде признаки запустения. Могилы давно поросли мхом и папоротником, утонули в кустах волчьей ягоды, в рябинах и прочей дряни. Я уныло брел по этим джунглям, высматривая в темноте малейшие подсказки. Ничего. Ситуация осложнялась туманом, голубоватой мутью, затянувшей кладбище. Ветви кустов норовили хлестнуть меня по лицу, ноги утопали во мху. Шуршала осенняя листва. Иногда я спотыкался о надгробия или поваленные ржавые кресты. Мощными колоннами вздымались к небу стволы сосен.

Удручающее однообразие. Ноль ориентиров. Куда идти? Еще не хватало, чтобы мертвецы стали вылезать…

Впереди замаячило что-то темное и мрачное. Постепенно оно приобрело форму, объем и размеры. Передо мной высится старенькая капличка, сложенная из красного кирпича. Я обхожу ее и встречаюсь с нищим:

Нищий сидит в позе лотоса и смотрит на меня пустыми глазницами. У его ног — меховая шапка, на шее — кусок картона, на котором слова: «САМИ МЫ НЕ МЕСТНЫЕ…» Ну — и так далее.

Пошарив в карманах, я извлек горсть мелких монет и швырнул в шапку. В ответ нищий протянул мне руку со сжатым кулаком. Кулак разжимается — на ладони серебристо посверкивает жетон. Я беру его. Орел — змея, пожирающая собственный хвост, решка — одно только слово: «ТАНАТОС». Смерть. Больше ничего.

Я отворачиваюсь и ухожу. Нищий растворяется в тумане.

Довольно прохладно — думаю, этот мир застыл где-то в октябре. На мне по-прежнему пальто и длинный вязаный шарф поверх растянутого серого свитера, линялые джинсы и черные ботинки на «тракторной» подошве.

Поплутав по кладбищу, я вконец заблудился. Казалось, это место замыкается само на себя.

Я решил дождаться утра. Опустившись на землю, привалился спиной к рельефной ограде. Плотнее закутался в пальто и попробовал заснуть. Меня встряхнул голос Кунджи, звучавший прямо в голове: «А ну вставай, урод! Хочешь с чистильщиком поцеловаться?..»

Я вновь бреду в никуда.

Мне повезло: деревья стали расти реже, и я вышел на берег реки. Крутой, обрывистый берег, по которому тянется извилистая тропинка. По ней я спустился в город — на узкую, мощенную булыжником улочку, одним концом упиравшуюся в лодочную станцию, а другим выводящую на площадь.

Городок был маленький. Чем-то он мне напоминал те старинные белорусские города, уже давно поглощенные мегаполисом и превратившиеся в заповедные «музейные» районы. Я родился и вырос именно в таком районе, в обшарпанной пятиэтажке времен XX века…

Час предрассветный. Я в нерешительности замер в центре площади, на перекрестке дорог. Подсказки. Где их искать? Разумеется, на доске объявлений.

Я направился к остановке. Обогнул скамейки и подошел к покосившемуся забору, ограждающему стройку. Света фонаря и луны вполне хватало, чтобы прочитать текст. Я мысленно пробежался по объявлениям. Все одинаковы. Сдается квартира по улице Ленина, 79/2. Телефон 1-18-25. Ни подъезда, ни номера квартиры…

«Думай, — сказал я себе. — Что у нас есть?»

Жетон.

Браво, Даун! Я подхожу к телефону-автомату, набираю указанные в объявлении цифры. Длинные гудки. Щелчок: — Да?

— Я по объявлению. Как мне вас найти?

Получаю подробные инструкции. Двигаюсь по главной улице (она же — Ленина). Почти точная копия моего района. Не удивлюсь, если справа окажется книжный магазин, а затем — бар. Как он назывался? Вроде «Релакс». Воспоминания накатывали волной. Слева должна быть железная дорога, вокзал. Тогда, в моем детстве, на вокзале встречались «девятки» и «шестидесятки», до зубов вооруженные цепями, кастетами и

кусками арматуры…

Я сворачиваю во двор дома № 79, нахожу подъезд. Следуя указаниям, поднимаюсь на четвертый этаж. Останавливаюсь перед обитой дермантином дверью. Звоню.

Никто не открывает. Опять вдавливаю кнопку звонка. Ничего. Толкаю дверь — не заперто. Вхожу. Дверь сзади захлопывается.

Я нахожусь в восьмиугольной комнате с кучей дверей. Мебель отсутствует, окна тоже. Стены выкрашены в белый цвет. На каждой двери — табличка с надписью: «ДНЕПР», «ЗАВОД», «ВОКЗАЛ…»

Выбор.

Господи, как я это не люблю! Придется действовать методом научного тыка. Я делаю шаг к ближайшей двери («ВОКЗАЛ»), поворачиваю ручку и… перемещаюсь на перрон. Прямо передо мной в обе стороны тянутся пути. Сзади — голубое здание с круглым циферблатом над крыльцом и парой сводчатых окон, клумбы, остриженные кусты и ели, скамейки. Колонка с водой…

Я вхожу в здание. Кстати, название города я так нигде и не обнаружил. Странно, не правда ли? Как и то, что город абсолютно пуст. За все время я ни разу не встретил в этом мире живого человека. Словно чума всех выкосила. Но ведь разработчики могли и намеренно не предусмотреть населения. Для чего?

Правильно. Чтобы легче было выщемливать хакеров вроде меня.

В зале ожидания — гулкая пустота. Даже сиденья отсутствуют. В кассе — никого. Передо мной — расписание движения поездов. Мне показалось, что оно есть, что там обычный набор данных, но прочитать хотя бы строчку я не успел. Потому что все исчезло, и на белом квадрате высветилась надпись: «ЛЕНИНА, 79».

Из ступора меня вывел звук. Отдаленный гул, похожий на…

Приближался поезд. Какого хрена поезд в этой статичной вселенной? Я вынырнул.

Кунджи буквально впился глазами в контрольный монитор. Мой аватар с глупейшим видом окостенел посреди мраморного зада. Было видно окно с кусочками перрона и часть абстракционистской картины на стене.

— Эй! — Я окликнул партнера. Он уставился на меня.

— Ты что тут делаешь? — Я…

— Идиот! — Кунджи взорвался неожиданно, как ядерная бомба, выплескивая все накопившееся напряжение долгих недель штурма. — Там чистильщик! Слышишь меня, тупое животное? Он в поезде и сейчас доберется до тебя! Назад!

— Успокойся. Ты можешь загрузить для меня оружие?

Он немного остыл, вернулась прежняя рациональность мышления. И быстрота реакции.

— Что угодно. Только убирайся отсюда. Мы же почти у цели, понял? Почти у цели…

Поезд прибыл.

Помятый дизель — из тех, что списаны еще полвека назад и теперь ржавеют на многочисленных свалках.

Вышел чистильщик. Он не потрудился принять какой-либо конкретный облик — ко мне текло амфорное существо с зачатками конечностей, полупризрачное.

В реальном мире Кунджи запустил процесс загрузки.

В виртуальном почти мгновенно сконструировалось мощное орудие со стволом, нацеленным в окно. Почти не раздумывая, я подбежал к нему, уселся на вырост-сиденье, приваренный к станине. Руки сами собой нашли гашетки. Точной наводки не требовалось — с такой-то дистанции… Огонь.

Залп вынес окно с фрагментами стены, перрон утонул в пламени. Когда дым рассеялся, я увидел чистильщика — удар совершенно не отразился на ублюдке. Он неотвратимо приближался.

— Сваливай! — шепнул Кунджи. — Через расписание. Быстро, твою мать!

Я метнулся к плакату расписания. Прыгнул, провалился в зыбучую трясину неопределенности…

Знакомая квартира. Двери.

Снова — выбор. Я внимательно присмотрелся к надписям. «МУЗЕЙ», «ШКОЛА». На одной двери надписи не было. Буквы проступили, когда я к ней прикоснулся. Красные готические литеры с кровоподтеками: «ТАНАТОС».

Я вошел.

Мои ботинки вдавились в кладбищенский грунт.

…Лопату взял в домике сторожа. Я уже знал, что делать, — Кунджи мне все подробно разъяснил. Успею или нет — другой вопрос. «Реинкорн» не бросит охоту. Да и чистильщик где-то здесь, в городе. Возможно, он бродит неподалеку, шаря лучом фонарика по могилам…

Я тоже шарю.

Из сотен памятников и надгробных плит я должен выбрать кусок мрамора с сакраментальной надписью. Чем меньше времени уйдет на поиски, тем лучше.

По-прежнему — октябрьская ночь. Я уже облазил треть кладбища, но так ни на что и не набрел. «Думай, — напутствовал

Кунджи. — Шевели мозгами. В виртуальности все символично. До гениальности просто. Ответ — в твоей голове…»

Я нашел это возле каплички. Всего в двух шагах. Вросший в землю памятник, на котором проступает знакомое «ТАНАТОС». Имя, фамилия отсутствуют, зато сохранились даты жизни: 1980–2067. «Это пароль, — предупредил Кунджи. — Запомни».

Я запомнил.

И начал копать.

Грунт поддавался легко, словно я рыл пыль или пепел. За считанные секунды углубился почти на два метра. Я уже готов был услышать стук лопаты о крышку гроба, но вместо этого… провалился. Скольжение — и выход.

— Это промежуточный узел, — сказал Кунджи.

— А потом?

— Потом ты сделаешь Сальто.

— И?..

— И ты — победитель. Вводишь пароль — из тех, что скачал на корабле, и Бессмертие — наше.

Финал. Я почти не верил, что он наступит. И что, вы думаете, я сделал?

Я отправился в душ.

Горячие струи смывали с меня многодневную грязь, принося очищение. Не только физическое, но и духовное.

Я думал о Сальто. Сальто над Алюминиевым лесом, которое я должен выполнить. Прыжок — символ. Я образую в момент Сальто картинку, которая ножом, цифровым кодом войдет в матрицу *Их* сервера. Последний аккорд моей одиссеи. Потом начнется новая жизнь. Вечная.

Я помню потрясение, испытанное мной, когда я осознал, что сайт Бессмертия реален. Когда я понял, что это не миф, это штука, которой я могу обладать. Мы с Кунджи — лучшая хакерская команда в окрестностях Земли, и мне кажется, что мы заслуживаем приз. За свои труды. За удачу. За каждодневный страх. Да, признаюсь, я до сих пор боюсь. Но скоро они будут бояться нас. Штурм вступает в решающую стадию…

Я действую решительно. Связываюсь по особому кодированному каналу со своими друзьями на Земле — подпольной исследовательской группой «Джокер». Эти ребята подрабатывают нелегальной телетрансляцией, но основное их достоинство в другом. «Джокер» считывает практически любую информацию: цифровую, штрих-код, генетическую, мертвые языки… Считывает, размножает и распространяет.

Просекаешь, дружок? Бессмертие скопируют с меня,

тиражируют и забросят в Сеть — гулять по планетам и спутникам. Естественно, за плату. Идеальный сюжет: человечество облагодетельствовано, «Реинкорн» в анусе, тандем Даун-Кунджи сказочно богат и знаменит. Великолепно, не правда ли? Круче Деда Мороза с мешком подарков.

Мои тело и волосы высушивает солярная лампа. Из стиральной секции, совмещенной с санузлом, я извлекаю чистую одежду. От нее исходит аромат лаванды — спасибо новому порошку «Люкс».

Кунджи вводит пароль — естественно, «1980–2067».

Загружается следующее препятствие. Это четверть часа — по минимуму. Мы завтракаем в абсолютном молчании. На табло вспыхивает классическое: ЗАГРУЗКА ОКОНЧЕНА. Мы возвращаемся в свою тюремную камеру.

Кунджи мановением руки «материализует» *Это* в голограэфиксе.

Кубик Рубика.

Помню, как я матерился. Кунджи сказал, что будет искать в Сети обучающую программу. И тут меня посетило озарение. Кирченко! Я пригласил его к нам и указал на проблему. «Фигня», — сказал Кирченко. Я засовываю его в виртуальный костюм и вселяю в своего аватара. Небольшая задержка — компьютер подгоняет личностные характеристики. Силуэт перемещается по обоим мониторам и одновременно — голографическим фантомом — по комнате. Его руки (общим числом — шесть) дотрагиваются до кубика, словно оценивая его вещественность, и начинают мелькать с потрясающей быстротой. В углах мониторов таймеры отсчитывают секунды. Тридцать четыре. Мы с Кунджи обмениваемся восхищенными взглядами. «Это бутылка», — говорим мы хором. «Ерунда, — отвечает Кирченко, — сущие пустяки». Но зайти на вечерний банкет соглашается.

Я погружаюсь в Сеть.

Алюминиевый лес.

Над этим «шедевром» явно поработал извращенец. Программист-шизоид. Представьте себе обширную территорию, сплошь покрытую металлическими зарослями. Сегментированные стволы и ветки, скрепленные болтами, листья и шипы. Даже плоды, смахивающие на батарейки.

Я стою на холме. От противоположной возвышенности меня отделяет несколько километров леса. Но мне — не туда. Гораздо ближе зияет щель-переход, куда я должен нырнуть, выполнив

Сальто. Я терпеливо жду, пока Кунджи не введет наш любимый софтик «прыжки-полеты». Алюминиевая листва колышется на ветру.

Ко мне словно приставили крылья. Кунджи — ты мой ангел-хранитель.

Я прыгаю.

Отрываюсь от земли с легкостью. Что там сказал классик? Человек создан для счастья… Я делаю Сальто.

Бесконечно долгую, растянутую, как резина, секунду подо мной проплывает лес, а затем…

Обычными словами этого не передать. Я пропустил миг, когда достиг цели. Мозг выдал запомненный годом раньше пароль — он вошел в ткань сайта, как нож в масло. Меня накрыло цифровой волной, поглотило, засосало. Повсюду выстраивались двоичные структуры, замкнутые сами на себя, и ныряющие, казалось, в иное, четвертое измерение, подчиненные странным, запредельным законам виртуальной топологии… Окружающий континуум выворачивался наизнанку, и по сравнению с этим лента Мебиуса была детской игрушкой. «ОНО» рванулось ко мне, подключилось, и я понял, что становлюсь бессмертным. Формация перестраивала меня на генетическом уровне, вписывая в каждую клеточку новую, свежую информацию. Виртуальная нанотехнология. Каким-то непостижимым образом сайт воздействовал на мое сознание, а через него — на неподвижное тело в скорлупе Четвертого Орбитального. И тело менялось неотвратимо и навсегда, его лепили, как пластилин. Ничтожную часть данных мой хакерский мозг умудрялся расшифровать: циклическое омоложение тканей, внедрение (образование?) чужеродного гена, реставрация нервной системы…

А перед глазами вновь и вновь прокручивалась металлическая равнина и Сальто. Я теперь буду переживать это долго. Вечно. Вспоминаю и сейчас. По асконам пробегает дрожь…

Я просыпаюсь. Кунджи помогает мне снять костюм, выдергивает биос, отводит на кухню, Я настолько ошеломлен, что практически не воспринимаю реальности. Кунджи заливает мне в рот кофе, смешанный с изрядной дозой грузинского коньяка. Я пью, не чувствуя вкуса, а за стеной нелегальные софты Кунджи стирают все следы нашего пребывания в Сети. Я подмечаю несущественные детали: горит индикатор микроволновки, лязгает хлеборезка (обычно она не лязгает, видимо, что-то накрылось)… Постепенно возвращаюсь к норме. Кофе обжигает язык, слова партнера больше не тонут в непроницаемой вате, они достигают моего слуха. Я на Четвертом Орбитальном. Два

непреложных факта впиваются в сознание. Я вскрываю еще одну упаковку с кофе. Кунджи протягивает мне «колесо» стимулятора, я отказываюсь. На информ-табло вспыхивает сообщение: к нам пришли.

Кирченко явился с бутылкой грузинского. Интересно, где сосед его достает? Надо будет спросить…

Раздавили пузырь за полчаса. Меня отправили за догонкой. Услуги пневмопочты распространялись и на наш район, только сейчас кусок вакуумной трубы вышел из строя. А ближайший магазин — в пяти минутах ходьбы по радиальному проспекту. Километры витрин и неоновых реклам. Бутики, салоны, бары…

Я добросовестно отстоял в очереди, товар мне мастерски запаковали, скрепив клейкой лентой с логотипом фирмы-производителя. Обычная процедура. Весь поход занял четырнадцать минут.

Когда я вставил магнитный ключ в паз двери и она открылась, я застыл на пороге…

Кунджи и Кирченко были мертвы.

Я вспотел. Всего четырнадцать минут…

Позже, обдумывая обстоятельства их смерти, я решил, что киллер, вероятно, принял Кирченко за Дауна. Вполне логично: наших фэйсов он не имел, но знал, что в квартире всего два клиента. Обоих и замочил. Судьба…

А вот мне невероятно повезло. Шансов выжить в подобной ситуации — кот наплакал. Мы взломали сайт именно сегодня, а не, скажем, вчера или завтра. Плюс — визит Кирченко. Плюс — поломка почтовой трубы. Плюс — очередь в магазине… Множество незначительных факторов сложилось и, взаимодействуя, спасло бессмертного хакера с ником Даун.

Чистая теория вероятностей. У меня была вечность, но решающими оказались жалкие четырнадцать минут.

Тогда я ни о чем таком не думал. Я думал, как выкрутиться. Ведь если «реинкорновцы» поймут, что замочили не того, охота продолжится. Ясно одно: нельзя производить лишней суеты. И еще: я, кажется, засиделся на Комплексе. Пора домой, на старушку Землю. Тойо Шикомото взял билет на Кипр — отдохнуть от гаечных ключей и отверток — и там благополучно пропал без вести. Вместо него родился некий Круз де Сад (как вам имечко?), и вынырнул он уже в Мадриде, а не на Кипре. Само собой, у де Сада была внешность корсиканского кабальеро с долей белорусской крови — но это пустяки. Кабальеро обожал чатоваться в Сети, особенно с «Джокером». Штаб-квартира «Джокера» по странному совпадению тоже размещалась в Мадриде…

Я часто думаю о Кунджи. Мне его не хватает — мы почти стали друзьями. А еще я вспоминаю наш разговор о развлечениях. Какая у меня проблема, Кунджи? Теперь я понимаю…

Убить время.